

ПОЛИТИЯ

Л.Е.Бляхер, К.В.Григоричев
ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ
КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА,
ИЛИ КАК И ПОЧЕМУ УЕЗЖАЮТ
ЖИТЕЛИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, зав. кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru .

Константин Вадимович Григоричев — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета. Для связи с автором: grigoritchev@ya.ru.

Аннотация. В статье описывается и эксплицируется политический смысл социальных практик транстерриториальных сообществ, складывающихся из бывших дальневосточников, переехавших в европейскую часть страны, и жителей Дальнего Востока. Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что, мигрируя, выходцы из восточных регионов России не порывают полностью с этими регионами, а живут как бы «поверх границ», поддерживая устойчивые связи с сообществами как в регионах исхода, так и в регионах вселения. Предполагается, что специфика восточных территорий России определяется сочетанием масштабных трансрегиональных и транснациональных миграций с интенсивным внутрирегиональным движением населения. Перманентный характер миграций придает территориальному сообществу качество проточной общности, для которой миграции являются естественной формой существования. Поскольку большая часть населения региона представляет собой относительных новоселов (одно-два поколения), связи с местом исхода — как правило, в западной части страны — сохраняются и поддерживаются. Это создает условия для сравнительно безболезненного перемещения (возвращения) в западном направлении. Сопутствующая «проточному» состоянию двойная идентичность, активные контакты с принимающим и исходным сообществами, использование ресурсов обеих сторон позволяют предложить в качестве аналитической рамки теорию трансмиграции. Эта теория, традиционно применяемая при анализе транснациональных миграционных процессов, может оказаться весьма продуктивной и при изучении внутрисоссийской миграции, давая ключ к пониманию причин и механизмов высокой интенсивности ее «западного дрейфа» и открывая возможности для выявления специфики

организации сообществ на востоке России, а также репертуара практик, определяющих современный миграционный (и не только миграционный) ландшафт страны.

Ключевые слова: внутренняя миграция, транснационализм, социальные связи, проточное сообщество, политическое пространство, Дальний Восток

При исследовании политических аспектов миграции речь, как правило, идет о международных миграционных процессах¹, которые все чаще воспринимаются как один из важнейших вызовов современности. В рамках этих исследований обсуждаются подходы к регулированию миграции и миграционная политика, противодействие распространению международного терроризма², проблемы социальной и культурной адаптации мигрантов³ в принимающем сообществе. Внутренняя миграция становится предметом политического анализа существенно реже. В российской традиции, корни которой уходят еще в советскую эпоху⁴, при рассмотрении этого явления делается акцент на его экономических составляющих⁵, в частности связанных с рациональным размещением трудовых ресурсов и формированием новых хозяйственных практик населения⁶. Политические же его импликации в лучшем случае лишь подразумеваются. Предполагается, что если международные миграционные процессы требуют политического регулирования, то внутренняя миграция нуждается главным образом в регламентации, упорядочивании. А это не столько политическая, сколько полицейская задача.

Пожалуй, только в одном регионе России внутренняя миграция оказалась проблемой политической — по крайней мере, трактуемой и обозначенной в качестве таковой. Речь идет о Дальнем Востоке⁷.

На сегодняшний день это, наверное, самый мифологизированный регион страны⁸. Именно мифология ложится в основу многочисленных программ развития Дальнего Востока, подменяет собой аналитику и, приобретая вид аксиом, детерминирует научные исследования, да и политические решения, которые в итоге оказываются ошибочными или, по меньшей мере, сомнительными.

В настоящей работе мы постараемся показать, что аксиомы, определяющие нынешние подходы к миграционным процессам в дальневосточном регионе, строятся на мифах, и предложить альтернативную аксиоматику. Для этого мы попытаемся разобраться, что скрывается за проблемой внутренней миграции в этой части России, что выводит ее на уровень политического дискурса, как выглядит миграция, да и само территориальное сообщество при деконструкции мифологических посылок. И начнем свой анализ с рассмотрения того, как и почему в случае Дальнего Востока эта, казалось бы, сугубо хозяйственная и социальная проблема получает политическое измерение.

¹ Miller 2017; Сивков 2011.

² Журавлев 2011.

³ Mole 2018.

⁴ Заславская 1970.

⁵ См. Флоринская и др. 2014.

⁶ Плюснин и др. 2013.

⁷ Якутович 2012.

⁸ Бляхер 2004.

**Миф
о пустом регионе**

Заявленный еще в 2008 г. «поворот на Восток» в российской политике сразу же актуализировал идею ускоренного развития Дальнего Востока. Логика в целом понятна. Именно своими восточными территориями Россия намерена интегрироваться в хозяйственную и политическую систему стран Восточной Азии. И именно эти территории (Дальний Восток), согласно официальной статистике, относятся к числу наименее развитых с самым высоким уровнем депопуляции.

Дело в том, что на протяжении едва ли не всего советского периода эта часть страны развивалась преимущественно как крепость, восточный форпост России. Такое восприятие региона прямо отражалось на транспортной системе, местном хозяйстве, размещении населения и многом другом. Расположение и транспортных путей, и населения («гарнизона крепости») определялось прежде всего интересами обороны, а отнюдь не торговли или промышленного развития. Да и сам социально-профессиональный состав населения был ориентирован именно на обслуживание форпоста страны в Азии.

Более трети населения территории (и еще большую долю трудоспособного населения) составляли военнослужащие и члены их семей, работники военно-промышленного комплекса и другие группы, связанные с функцией региона-крепости⁹. Важно и то, что это была самая статусная часть населения, чья деятельность и задавала смысл существования Дальнего Востока. Но поскольку военнослужащие не относятся напрямую к производительным силам общества, да и продукция ВПК имеет лишь косвенное отношение к самообеспечению региона, «крепость» требовала постоянных дотаций извне без оглядки на их экономическую рациональность, то есть, по сути, политических инвестиций.

Неудивительно, что в 1990-е годы, когда соображения экономической рациональности внезапно актуализировались, а возможности и необходимость для центральной власти содержать «крепость» уменьшились, хозяйство, основанное на армии и ВПК, стало стремительно деградировать. Закрывались заводы, расформировывались воинские части, пустели военные городки. «Лишние люди» начали покидать регион. Согласно официальным данным, за это десятилетие Дальний Восток потерял почти четверть жителей (около 2 млн человек из 8,1 млн)¹⁰. Это и дало толчок появлению апокалипсических картин, легших в основу системы аксиом при проведении обществоведческих исследований. Рухнувшее и продолжающее разрушаться производство, сокращающееся население, делающее невозможным новое развитие, во всяком случае, в его индустриальном понимании, усиливающееся давление со стороны более благополучных соседей — все это превратилось в набор истин, которые не требуют обсуждения и подтверждения. То, что обрушившаяся модель хозяйства довольно быстро была заменена иной, оказалось за пределами рассмотрения.

Ни исследователи, ни политики федерального уровня просто «не видели», что оставшаяся часть населения стремительно меняла формы и типы деятельности, максимально эффективно использовала *de facto*

⁹ Колесниченко 2016.

¹⁰ Мотрич 2015:12.

¹¹ Бляхер 2014:
76—78.

установленный в регионе режим порто-франко¹¹. Происходила переориентация на экспорт относительно легко добываемых природных ресурсов, эксплуатацию наследия советского периода (дорог, складских помещений, рыболовных флотилий, лесовозов и т.п.). Однако в силу сложившихся обстоятельств большая часть этой деятельности протекала за пределами формальной статистики¹², в «тени». Официально регион был беден и пуст. Более того, он продолжал терять население. Отчасти на формирование апокалиптической картины реальности влияла бюрократическая структура региона. Тот факт, что Дальний Восток России, как и прежде Дальний Восток СССР, есть чисто административное образование, объединяющее разные и в хозяйственном, и в демографическом отношении территории, тоже выпадал из поля зрения¹³.

¹² Bliakher 2013:
32—33.

¹³ Бляхер и Обирин
2019: 14.

Так или иначе, в сознании авторов идеи «поворота на Восток», да и не только их, утвердилось представление о бедном, обезлюдившем регионе, испытывающем давление со стороны соседей. Такой, мягко говоря, не слишком передовой частью интегрироваться в экономику Восточной Азии было сложно. Соответственно, ситуация требовала исправления, что и определило характер задач, поставленных перед профильными ведомствами (в первую очередь перед Минвостокразвития). Речь шла о привлечении инвестиций и стимулировании развития, понимаемого как развитие индустриальное, то есть строительство заводов, фабрик, верфей и т.д. А поскольку на них кто-то должен был работать, необходимо было остановить депопуляцию, обернуть ее вспять. Таким образом, сокращение населения Дальнего Востока, происходящее прежде всего вследствие миграции, было осмыслено как угроза ускоренному развитию региона, ставшая под вопрос «поворот на Восток», выдвинутый в качестве *политического* приоритета развития страны. Тем самым внутренняя миграция из региона оказалась *политической* проблемой, которую и пыталось (или делало вид, что пыталось) решить государство в течение последнего десятилетия.

**Почему
проваливались
и проваливаются
государственные
проекты
привлечения
населения
на Дальний Восток**

Идея привлечения населения на Дальний Восток присутствовала в политическом дискурсе начиная с 60-х годов XIX в. В досоветский период проблема решалась за счет наличия избыточного населения в западной части страны и предоставления переселенцам огромных земельных участков (100 десятин на семью) и налоговых льгот, а также освобождения их от воинского призыва¹⁴. В советские времена использовались главным образом механизмы организованного (несвободного) переселения. В 1930—1950-е годы, в условиях еще не завершившегося демографического перехода, массовой миграции из деревни в город и высокого уровня мобилизации общества, достаточно было относительно скромной системы льгот, чтобы поток переселенцев двинулся в восточном направлении. Значимым было и принудительное переселение, особенно в северные части региона. И хотя наряду с входящими демографическими потоками не прекращались и исходящие, рост

¹⁴ Осипов 2012:
34—37.

населения Дальнего Востока был впечатляющим — с 1,6 млн человек в 1926 г. до 8,1 млн в 1991-м¹⁵.

¹⁵ Мотрич 2015: 12–14.

Массовый отток населения в начале 1990-х годов, не компенсируемый соответствующим притоком, стал шоком и для региональной власти, и для самих дальневосточников. Однако уже ко второй половине десятилетия эта ситуация стала привычной для местных жителей, не вызывающей у них эмоциональной реакции.

Но именно во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов тема убыли населения заняла значимое место в региональной политической риторике. Депопуляция, подаваемая в качестве элемента происходящей здесь и сейчас катастрофы, выполняла важную функцию при коммуникации региональной власти с федеральной. Поскольку региональная экономика в тот период располагалась большей частью в «тени», нужно было оградить ее от излишнего внимания со стороны федерального центра. Образ бедного и пустого региона делал Дальний Восток неинтересным для центра. Соответственно, такое «конструирование угрозы»¹⁶ повышало защищенность теневой экономики и ее владык, «региональных баронов». Вполне ожидаемо все попытки перевести риторические конструкции в практические действия полностью провалились. В частности, это касается программы переселения соотечественников. Число переехавших на Дальний Восток в рамках этой программы измеряется десятками, максимум сотнями человек. Некоторое увеличение притока переселенцев за счет беженцев из Донбасса быстро компенсировалось отъездом большинства из них.

¹⁶ Кордонский 2013: 34–35.

С повышением цен на энергоносители и построением «вертикали власти» политика с регионального и межрегионального уровня переместилась на федеральный. Представители региональных администраций превратились в федеральных чиновников среднего звена, распределяющих выделенные им средства по установленным в Москве направлениям. Лишь в сообществе исследователей и экспертов еще продолжаются разговоры о «региональных элитах»¹⁷ и необходимости работать с ними.

¹⁷ См., напр. Туровский 2016.

Одним из следствий подмены региональной политики федеральной, проявившейся, в частности, в учреждении должности полпреда — вице-преьера и профильного министерства по развитию Дальнего Востока, стал механический перенос большей части элементов исчезающего регионального дискурса на общероссийский уровень с приданием им статуса объективной истины. Искусственно сконструированная в 1990-е годы угроза депопуляции (вкуче с «желтой опасностью» и многим другим) превратилась не только в неотъемлемую составляющую восприятия Дальнего Востока, но и в аксиоматическое основание его изучения¹⁸, тем самым обретая научную легитимность.

¹⁸ Кравчук и Мотрич 2008.

Конкретных действий, нацеленных на удержание населения в регионе и привлечение в него новых жителей, не так много. Помимо «выравнивания тарифов» (установления базовых цен на электроэнергию для предотвращения их стремительного роста) и дотирования авиаперевозок на региональных рейсах «Аэрофлота», к ним, с оговорками,

можно отнести широко разрекламированную программу «Дальневосточный гектар», а также совокупность PR-мероприятий от дней Дальнего Востока в Москве до Восточного экономического форума во Владивостоке. Гораздо шире круг обсуждаемых мер. Здесь и дотации при переезде в регион, и создание «тридцати тысяч новых рабочих мест»¹⁹ за счет государственных инвестиций, и льготные тарифы и налогообложение, и даже ускоренный выход на пенсию. Все эти меры так или иначе должны быть включены в очередную программу ускоренного развития региона²⁰.

¹⁹ Ишаев, Ивантер и Кувалин 2015: 189—196.

²⁰ Галичанин 2018.

Если абстрагироваться от частностей, несложно увидеть, что предлагаемые решения просто повторяют то, что когда-то сработало. Не обязательно на Дальнем Востоке, но сработало. «Дальневосточный гектар», несомненно, семантически связан с некогда знаменитыми 100 десятинами, которые предоставлялись переселенцам в Приамурье с 1861 по 1901 г. Разнообразные дотации для политически важного региона, скорее всего, родом из советского прошлого²¹, а ТОРы и ТОСЭРы (территории опережающего социально-экономического развития с особым правовым режимом), по всей видимости, заимствованы из практики Поднебесной.

²¹ Кулинич 2006.

При этом характеристики самого регионального сообщества интересуют авторов соответствующих рецептов в минимальной степени. И это неудивительно. Ведь, согласно официальной статистике, регион пуст²², а вдаваться в детали «пустоты» особого смысла нет.

²² Бляхер 2010: 52—79.

В результате протекающие на Дальнем Востоке миграционные процессы (как и его население *per se*) оказываются своего рода «черным ящиком», к которому подбирают ключ, абстрагируясь от того, что, собственно, в нем происходит. Как правило, подобные усилия крайне затратны и весьма ограниченно эффективны. Несмотря на то что «западный дрейф» (миграция из восточных частей страны в западные) постепенно снижается²³, отток населения с Дальнего Востока остается значительным²⁴, а для работы на заводах, приисках и стройках продолжают завозить иностранных рабочих.

²³ Мкртчян 2009: 82—83;

²⁴ Галичанин 2018: 152.

Причин здесь множество, но все они связаны с одним простым обстоятельством — отсутствием понимания, да и интереса к происходящему внутри «черного ящика». Парадоксально иное. «Апокалипсис отъезда» не особенно сказывается на интенсивности жизни в регионе, на способности регионального сообщества развиваться, отстраняясь и защищаясь от государственной опеки. Вновь и вновь возникают новые формы хозяйственной и социальной активности, не подконтрольные государству, не укладываемые в привычные размерности, не фиксируемые статистикой²⁵.

²⁵ См. Бляхер 2017.

Ниже мы попытаемся через изучение не столько масштабов (они описаны не один раз), сколько механизмов миграции на Дальнем Востоке России выйти на специфику самого территориального сообщества, детерминирующую, мягко говоря, не самую позитивную реакцию на попытки его «развивать». Это, как мы надеемся, поможет разобраться

в том, как выстраивается особое пространство миграции, соединяющее восток и запад страны.

Эмпирической основой исследования станет коллекция из 216 неформализованных биографических интервью, собранных авторами за последние 20 лет на территории Дальнего Востока. Основную часть коллекции составляют интервью, полученные в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре (167), однако в ней имеются также интервью с жителями Владивостока (18) и малых городов региона — Дальнереченска, Амурска, Свободного, Ванино, Советской Гавани (27). Четыре интервью были взяты у бывших дальневосточников, переехавших на постоянное место жительства в Москву (2), Санкт-Петербург (1) и Краснодар (1). Представляется, что этот массив позволяет судить о регионе в целом или, во всяком случае, о его наиболее населенной южной части.

В социально-профессиональном отношении среди респондентов преобладают предприниматели (119 интервью). Кроме них, в число респондентов вошли государственные и муниципальные служащие (36), преподаватели вузов, сотрудники НИИ (25), деятели культуры (12), работники предприятий различных форм собственности (24). Столь значительный разброс дает возможность составить более или менее полную картину интересующего нас явления.

Дополнительным источником информации выступают два формализованных опроса, проведенных при участии одного из авторов этой статьи в Хабаровске в 1999 и 2010 гг., где, в частности, затрагивались проблемы, связанные с миграционными ожиданиями, отношением к миграции и готовностью покинуть регион²⁶.

Проточное сообщество

Одной из важнейших особенностей самосознания жителей Дальнего Востока России является своего рода двойная идентичность. Отождествляя себя с местом своего проживания и даже гордясь им, дальневосточники в то же время вполне отчетливо ассоциируют себя с тем или иным территориальным сообществом за пределами региона. Причина достаточно проста. Уже в самом названии региона содержится определенная двойственность. Есть некий центр, от которого данная территория находится на отдалении (*Дальний* Восток). То, что для жителей региона физически далеким оказывается имперский центр, а близким нечто иное, становится объектом рефлексии далеко не всегда, ведь смыслы задаются именно в центре. Соответственно, возникает ощущение, что полноценная идентичность и полноценное сообщество тоже должны располагаться там — в центре или ближе к нему²⁷.

Отчасти это связано и со спецификой заселения региона в XX столетии, особенно в советскую эпоху. К началу Первой мировой войны население региона состояло из двух частей: постоянной (крестьяне-переселенцы, местные заводчики, купцы, рыбопромышленники, казаки и т.д.) и временной (работники, «зафрахтованные» на рудники и пугину, контрактники, строившие и обслуживавшие железную дорогу,

²⁶ *Опросы проводились социологической лабораторией ТОГУ под руководством Ильнара Ярулина в рамках проекта по мониторингу социального самочувствия населения Хабаровского края. Число респондентов: 1999 г. — 520; 2010 г. — 532. Генеральная совокупность — население Хабаровска старше 18 лет. Выборка территориальная.*

²⁷ *В принципе, подобные семантические конструкции не столь редки на имперских и постимперских пространствах. В качестве примера можно сослаться на арабское название Средней Азии — Мавераннахр («то, что за рекой»).*

²⁸ *Галлямова 2000: 187—192.* военнoслужажие, иностранные рабочие)²⁸. И хотя в предвоенные годы временное население стало преобладающим, в период лихолетья оно частично покинуло территорию.

Именно из представителей постоянного населения формировались отряды «приамурских партизан». Впрочем, отряды Григория Семёнова и правительства братьев Меркуловых во Владивостоке тоже²⁹. После ликвидации Дальневосточной республики в 1922 г. на территории был введен продналог. Но если для подавляющего большинства российского крестьянства это было облегчением, то не знавшие не только

продразверстки, но и большей части налогов во времена империи дальневосточные крестьяне восприняли его совершенно иначе³⁰. В 1925 г. вспыхнуло крестьянское восстание, подавление которого вызывало массовое бегство населения в Китай. В результате советская власть получила изрядно опустевший регион.

Правда, до начала 1930-х годов интерес к Дальнему Востоку (так при Советах стали называть бывшее Приамурское генерал-губернаторство, расширенное за счет Якутии и Колымы) был довольно слабым. Нужно было удержать территорию. О том, чтобы ее заселить, речи пока не шло. Пожалуй, единственным значимым экспериментом этого плана можно считать попытку переселения «трудящихся евреев» в будущую Еврейскую автономную область³¹. Однако, столкнувшись с полной неготовностью региона к приему переселенцев, многие из них вернулись обратно.

К середине 1930-х годов ситуация изменилась. Был принят план развития региона, нацеленный на создание военного «кулака» против Японии, развернулось строительство оборонных заводов³². Заводы нуждались в рабочей силе. Кроме того, кто-то должен был строить дороги и военные городки, фортификационные сооружения и т.п. Соответственно, начался массовый завоз людей в регион — частью в теплушках, частью в вагонзаках. Как и в случае с еврейским переселением, хозяйственные неурядицы, неизбежные при внешнем снабжении региона, приводили к постоянному оттоку переселенцев на прежнее место жительства. Отток компенсировался новыми входящими потоками мигрантов. Тогда-то и возникло сохраняющееся по сей день представление о развитии региона как прежде всего об индустриальном развитии. Развивать Дальний Восток — значит строить заводы и находить людей, которые будут на них работать. Тот факт, что такие заводы способны функционировать только при постоянной финансовой и ресурсной подпитке извне, поскольку все для их деятельности, от работников до сырья, нужно завозить, да и потребители их продукции находятся отнюдь не рядом, не осознается до сих пор. То, что развитие подразумевает строительство больших предприятий, воспринимается как аксиома³³.

Прервавшись в годы войны, процесс организованного переселения на Дальний Восток вновь стал набирать обороты в 1960—1980-х годах. Продолжали строиться заводы и военные городки, а следовательно,

³³ См., напр. *Галичанин 2018.*

прибывать переселенцы. Именно в этот период сформировалось основное население территории, а вместе с ним и особый тип регионального сообщества, для которого миграция — естественная форма существования. Это сообщество образуют те, кто остался от входящих миграционных потоков, те, кто, даже вполне адаптировавшись к местным реалиям, продолжает ощущать себя в регионе скорее «гостем». По аналогии с «проточной популяцией» в биологии, подобное сообщество правомерно обозначить как «проточное». Понятно, что восприятие своего пребывания на территории как временного значительно интенсифицирует миграционные настроения безотносительно (или почти безотносительно) к хозяйственным реалиям. Ведь внешнее сообщество по определению обладает более высоким статусом. Оно подлинное. Это вполне отчетливо проявляется и в высказываниях респондентов.

«Я в этом году первый раз проехал по Золотому кольцу. Ну, в отпуск решили с женой туда поехать. Не все же в Китай. Тут и понимаешь, что культура — она там, история — там. А мы здесь все случайные. Нас вчера не было. И завтра уже не будет. Если бы не необходимость постоянно домой, сестре, деньги отсылать, я давно бы уже туда уехал. Просто у сестры беда. Кто ж ей поможет, если не я? Вот и сижу в ж... мира» (мужчина, 52 года, преподаватель вуза, интервью 2012 г.).

«Я живу от отпуска до отпуска. Нет, не так. Только в отпуске я и живу. Там, в Европе, я осознаю себя. Я понимаю, что не итальянка, не испанка. Но... как сказать, там все настоящее, родное. А здесь, на что ни посмотрю, все ужасает. Здесь я на вахте. Вот сын в Москве укрепитя, я к нему. Даже минуты думать не буду» (женщина, 51 год, предприниматель, интервью 2016 г.).

Судя по результатам формализованного опроса 2010 г., подавляющее большинство респондентов (76%) хотя и называют себя дальневосточниками, не имеют глубоких корней в регионе (одно-два поколения). Более двух поколений предков-дальневосточников могли насчитать лишь порядка 20% респондентов. Еще меньше доля тех, кто передает региональные «семейные истории», помнит и знает, как, когда и по какой причине переселились сюда его предки. Свыше 50% респондентов признались, что общение с родственниками и знакомыми за пределами региона для них важнее внутрирегионального.

Еще более ярко эта установка проявляется в интервью. Респонденты вполне осознанно определяют себя в двух пространствах: пространстве физического проживания и пространстве идентификации.

«Ты, уважаемый, просто не был у нас на Кубани. Там у нас все другое: овощи, фрукты. Там помидоры не эти, китайские, пластмасса сплошная. Там помидоры помидорами пахнут. Ну и родня у меня там: племяши, брат с сестрой. Вот дети туда уехали. Теперь и мне нужно перебираться. Я, кстати, с братом поговорил. Он мне квартиру присмотрит. С работой поможет. Там цены на жилье ниже

наших. Думаю: жалко, конечно, это все. Рыбалка, охота. Все-таки 40 лет здесь прожил. Но ехать нужно» (мужчина, 58 лет, отставной офицер, предприниматель, интервью 2017 г.).

Мотив возвращения в интервью достаточно распространен. Даже соглашаясь, что «здесь лучше», респонденты говорят о стремлении «вернуться домой».

«Да, нет там работы. Была бы, я бы ни дня здесь не задержалась. Там другое. Там тепло, зелено. Я пока в Хабаровск не приехала, про метели и зимы с минус тридцать только читала. Там просто из дома выйдешь, на горы зеленые помотришь — и жить хочется. Там наше с мужем детство. А здесь только работа. Так пока и живу, на два дома в двух концах России» (женщина, 53 года, преподаватель вуза, интервью 2016 г.).

Даже отсутствие родных за пределами региона не играет решающей роли. Внешнее территориальное сообщество можно сконструировать, особенно если есть на кого опереться.

«Я сейчас на два дома живу. Здесь работаю, а как весна наступает, сразу туда, в Крым. Домик тихонько строю. Хорошо, сейчас дело уже налажено. Идет как-то. Кормит. Вот и могу ездить. Местные — те еще жуки. Стараются или схалтурить, или что-то стырить. Приходится там постоянно быть. Для пригляда. Конечно, там есть свои мужики, с Дальнего Востока. Они присмотрят, если что. Но свой пригляд всяко лучше» (мужчина, 47 лет, предприниматель, интервью 2014 г.).

Основой для формирования такого внешнего территориального сообщества может быть временное проживание, обучение в вузе, аспирантура, профессиональный круг общения или что-то иное. Важно, что сам факт наличия «второго сообщества», которое «не далеко», отметило подавляющее большинство респондентов. Это не значит, что местное (дальневосточное) территориальное сообщество игнорируется или его просто нет, а есть атомизированные индивиды, размазанные по гигантской территории. Внутрирегиональная коммуникация остается плотной и значимой. И дело не только в том, именно на ней зачастую строятся основные карьерные стратегии.

«Знаешь, чего больше всего не хватает? Нормального общения. Чтобы вот так, как мы сейчас, сесть, поговорить откровенно, рюмку чая выпить. Даже пошалить немного по-пацански. Там этого всего нет. В принципе, нормально. Дом, дела идут, дочь замуж выдал. А общения не хватает. Вот и езжу сюда, чтобы не забыть, как нормально общаться» (мужчина, 59 лет, финансовый аналитик, интервью 2015 г.).

Есть и еще одно обстоятельство, делающее отъезд из региона приятательным не только для тех, кого закрывающиеся заводы и ужесточающееся законодательство выдавливают с Дальнего Востока, но и для вполне благополучных, адаптированных членов местного сообщества. Еще с советских времен отъезд «на Запад» (в европейскую часть страны)

воспринимается как этап карьеры, форма восходящей мобильности. С повышением «на Запад» переводились советские и партийные функционеры, научные работники и педагоги, руководители предприятий и учреждений, деятели культуры. Иными словами, уезжали наиболее успешные представители регионального сообщества. Аналогичным образом в начале 1990-х годов именно наиболее статусная часть населения первой покинула стагнировавший край, перебравшись на заранее подготовленные позиции. В результате миграция из региона предстает не столько вынужденным актом, сколько желаемой стратегией. Сами же уехавшие наделяются в местном сообществе изначально более высоким статусом, чем оставшиеся. Это не только создает дополнительную мотивацию для отъезда, но и порождает специфические формы коммуникации между дальневосточным территориальным сообществом и сообществами покинувших регион.

**Внутренние
трансмигранты:
как
дальневосточники
снижают
риски миграции**

³⁴ Inghammar 2010.

³⁵ Нефедова,
Аверкиева и Мах-
рова (ред.) 2016.

³⁶ См., напр. Поле-
таев, Дементьева
и Зурабишвили
2014.

³⁷ О последних
см. Жидкевич 2016.

Среди факторов, сдерживающих и международную, и внутреннюю миграцию, существенное значение имеет почти неизбежное снижение, хотя бы временное, уровня жизни³⁴ и, что порой важнее, социального статуса тех, кто решается на этот шаг. Именно это обстоятельство, а также дороговизна миграции и обустройства на новом месте заставляют людей, даже настроенных на миграцию, оставаться в регионе проживания, а если и уезжать, то относительно недалеко³⁵. Соответственно, в условиях, когда переезд выступает не столько вынужденной мерой (выталкивание), сколько желаемой стратегией, начинается поиск форм снижения рисков и издержек миграции.

Одной из таких форм является временная миграция, в частности образовательная. Последнюю обычно рассматривают под углом зрения привлечения иностранных студентов, способных впоследствии стать агентами влияния России в странах исхода или компенсировать сокращение населения РФ³⁶. Но не менее значима образовательная миграция внутри России. Приезжая учиться в крупный (столичный) город, житель провинции тем самым получает легальный статус, жилье и время на адаптацию в принимающем сообществе. При этом он остается (по крайней мере, формально) членом прежнего территориального сообщества, что позволяет ему использовать его потенциал — от ресурсов «землячества», включающих в коммуникацию студентов старших курсов, а порой и преподавателей, до переводов и посылок из дома.

К миграции этого типа можно отнести и отходничество. Однако в случае Дальнего Востока отходничество обладает выраженной спецификой, отличающей его от аналогичных практик, получивших распространение в других частях страны³⁷. Присутствие установки на миграцию как на желаемое событие превращает его не столько в самоценный акт, связанный с возможностью заработать, сколько в этап, позволяющий снизить риски миграции.

«Ну, пока я на проект еду. Где-то на год или чуть больше. Заказчик платит нормально. Жилье съемное. <...> Осмотрюсь, что там к чему разведваю. Если не пойдет, вернусь обратно. Квартиру пока не продаю. Вот если пойдет, тогда подумаю, как совсем уже переехать» (мужчина, 29 лет, предприниматель, интервью 2017 г.).

Встречается и своеобразное «отходничество наоборот», когда человек перевозит семью на новое место жительства, а сам остается в регионе.

«Мои уже давно в П. Квартира там есть, жена работает, дочь учится. Скоро поступать будет. Я тоже потихоньку варианты ищу, как бизнес перевести туда. Пока с местными мужиками знакомлюсь через тех, кто раньше уехал, мосты навожу. <...> Но живу я здесь. Как бы на вахте. Дело пока кормит. Жалко пока его грехать, в кэш выходить. Как новое дело пойдет, так и уеду. А пока живу на два дома» (мужчина, 47 лет, предприниматель, интервью 2015 г.).

И подобная жизнь на два дома, как показывает анализ интервью за разные годы, не исключение. Нетипичен скорее сценарий, когда человек сразу рвет с местным сообществом, ориентируясь только на принимающее. Как правило, это бывает связано с какими-то особыми биографическими обстоятельствами. В нормальной ситуации миграция происходит в несколько этапов, описанных в разработанной еще в 1970-е годы концепции трехстадийности миграционного процесса³⁸.

³⁸ Рыбаковский
1973.

На первом этапе настроенный на миграцию человек начинает «искать контакты» в том месте, куда он хотел бы перебраться. Чаще всего это проживающие там родственники и/или переехавшие ранее земляки. Судя по интервью, этот этап длится от года до трех лет. В ходе него создается база для переезда. Именно занятых ее подготовкой уместно называть потенциальными мигрантами, а отнюдь не тех, кто говорит о том, что был бы не прочь переехать.

На втором этапе происходит физическое перемещение мигранта при сохранении им плотной связи с покинутым регионом. Как раз в такой ситуации человек и начинает жить на два дома. При этом настоящий дом постепенно перемещается в регион прибытия. Наряду с интенсивной коммуникацией с сообществом исхода, возникает и усиливается коммуникация на новом месте. Правда, по свидетельству наших респондентов, основу нового круга общения составляют земляки или лица, с которыми мигрант познакомился через земляков. Это не только помогает ему решать текущие проблемы, связанные с поиском жилья и работы, а также с интеграцией в принимающее общество, но и делает его существование более комфортным, обеспечивая окружение привычного типа. Упомянув об этом этапе миграции, респонденты подчеркивали, что человек здесь еще продолжает мыслить себя дальневосточником. То есть возможность возвращения им допускается. Этот этап очень разнится по длительности и может растянуться даже на всю жизнь, особенно если следствием миграции стали серьезные потери в статусе.

«Думаешь, почему он до сих пор кричит, что он дальневосточник? Здесь он член Союза композиторов. Его знают, исполняют. Здесь он в президиумах сидит. А в П. он кто? Руководитель музыкального кружка в техникуме. Вот он и живет так. Для П. он известный дальневосточный композитор. Экзотика такая. А для нас он наш известный композитор из П.» (женщина, музыкант, 49 лет, интервью 2014 г.).

На третьем этапе коммуникации в принимающем сообществе начинают доминировать, отесняя общение с бывшими земляками на задний план («стал забывать Дальний Восток», «зазнался», «стал москвичом», «стал жалеть время на дружбу» и т.д.). Судя по интервью, это обычно происходит через три-пять лет после отъезда. Однако вполне возможна и ситуация, когда этот этап просто не наступает. Человек продолжает общаться в привычном кругу, интегрируясь в новое сообщество вместе с ним. В этом плане весьма показательны название книги мемуаров последнего первого секретаря Хабаровского крайкома КПСС Алексея Черного, который уехал из Хабаровска еще в конце 1980-х годов, — «Остаюсь дальневосточником»³⁹.

³⁹ Черный 1998.

Таким образом, логично предположить существование землячеств, одновременно интегрированных (в разной степени) в два общества — сообщество исхода (на Дальнем Востоке) и принимающее сообщество. Конечно, термин «землячество» здесь выступает метафорой, отнюдь не предполагая наличия некоей формализованной структуры. Речь идет скорее о дружеской сети взаимопомощи. В отличие от этнических диаспор и национально-культурных объединений, чаще создаваемых не самими мигрантами, а надзирающими органами с целью контроля, эти землячества (хабаровское, владивостокское, камчатское и т.д.) — явление вполне неформальное. Многие их члены из числа наших респондентов удивлялись предположению о наличии сообщества. Просто привычные и устойчивые социальные контакты растягиваются с востока на запад страны, воспроизводясь на новом месте.

Часть агентов покидает сообщество, полностью интегрируясь. Им на смену приходят новые, прибывающие с Дальнего Востока. Однако при всей подвижности состава подобных сообществ их ключевые характеристики и функции остаются неизменными.

Для регионов отъезда такие сообщества выступают источниками информации о возможностях переселения и обустройства на новом месте, рекомендателями при поступлении на работу или налаживании бизнес-контактов; для регионов прибытия — носителями знания о прибывающих, их прошлом опыте, личных и профессиональных качествах. Именно члены подобных «пограничных» сообществ оказываются единственными надежными поставщиками сведений о том, как обстоят дела «в действительности», сведений, лежащих за пределами статистических описаний и официальных данных об удаленных восточных территориях страны.

⁴⁰ Glick Schiller, Basch, and Szanton Blanc 1995.

В рамках теории транснационализма сообщества этого типа обозначаются термином «трансмигранты»⁴⁰. Согласно этой теории, адаптация в новой стране отнюдь не означает завершения миграционного процесса. Современные миграции предполагают постоянное пребывание в состоянии движения, когда с физическим перемещением через границу мигранты оказываются в равной мере включенными в сообщества исхода и вселения. Особого внимания здесь заслуживает мысль о формировании единого социального поля, связывающего социальные пространства стран исхода и вселения. В ходе довольно острой полемики по поводу самой теории и ее релевантности⁴¹ трансмиграция была признана значимым явлением с точки зрения хозяйственных и политических практик мигрантов.

⁴¹ См., напр. Portes 1997.

Концепт трансмиграции разрабатывался применительно к международным миграциям, предполагающим существование различий в культуре и политическом устройстве, да и самих государственных границ, которые необходимо преодолевать. Но хотя в рассматриваемом нами случае ни расхождений в политическом и правовом режиме, ни разделенности границами нет, огромные расстояния и различия в образе жизни в европейской части страны и на ее восточной окраине порождают сходные конструкции. Огромная роль неформальности в жизни регионов (как исхода, так и прибытия) делает границы между ними лишь немногим менее значимыми, чем границы национальные. Наличие сообществ «трансмигрантов» качественно снижает риски миграции, повышает ее эффективность. Они обеспечивают необходимую информационную основу миграции, знание о том, как сделать ее более успешной.

Модель «трансмигрантов» (в нашем случае в форме землячеств дальневосточников) создает и условия для максимально мягкого встраивания в принимающее сообщество. Землячество становится своего рода посредником между двумя точками пространства, разделенными многими тысячами километров.

Разумеется, деятельность землячеств не ограничивается «продажей» принимающему сообществу сообщества исхода и наоборот. Но именно они сглаживают риски миграции, причем, как можно предположить, не только для новых переселенцев. В ряде интервью содержатся намеки на то, что, будучи организованы как сети взаимопомощи, землячества обладают внутренней иерархией, место в которой определяется степенью адаптированности в новом пространстве, возможностью быть полезным.

«Ты же понимаешь, что я не на пустое место еду. Н. там уже лет восемь. У него там бизнеса уже больше, чем здесь. Пока под ним похожу. Ему нужны мои контакты, мне его возможности. Все четко и понятно. А там, может, и сам вырулю» (мужчина, 53 года, предприниматель, интервью 2017 г.).

Расширяя свою «клиентскую сеть», член землячества тем самым увеличивает свои возможности, причем не только в принимающем

сообществе. В двух интервью (2014 и 2015 гг.) описывается ситуация, когда бывший дальневосточник «приводит» деньги в регион. В условиях промежуточного пространства, объединяющего точки исхода и прибытия, ему проще инвестировать «столичные» деньги в пространство исхода, опираясь на «клиентов», чем вступать в конкуренцию с «местными» в пространстве прибытия.

Но «приводятся» в регион не только деньги и деловые проекты. Импортируются и политические практики, способы проведения досуга и многое другое. Так, в свое время на территорию Хабаровского края была импортирована Партия жизни, зародыш современной «Справедливой России». Несколько позже, правда, менее успешно и по другим каналам туда была импортирована Либертарианская партия. Очевидно заимствованными, но вполне укоренившимися в регионе стали практики публичных лекций, арт-кафе, фестивалей любительского кино. Это только те формы, о которых упоминали респонденты.

Иначе говоря, функции земляческих общин не сводятся к снижению рисков миграции. Бывшие дальневосточники, проживающие в столицах и мегаполисах, выступают проводниками инноваций в регионе. Причем, в отличие от инноваций, инициируемых (или декларируемых) федеральными государственными органами, эти инновации не вызывают отторжения у местного сообщества.

Понятно, что «дальневосточная трансмиграция» — это пока скорее гипотеза. Для ее подтверждения требуется гораздо более сфокусированная на проблеме эмпирическая база, включая большие массивы статистических данных, позволяющие зафиксировать места и типы локализации подобных землячеств. Возможной и оправданной представляется также реинтерпретация проведенных ранее исследований внутренней миграции в России⁴², материалы которых укладываются в схему транснационализма как формы миграционных связей между востоком и западом страны. Так, описанные Збигневом Шмытом практики миграции между Бурятией и Москвой в «нулевые» годы рисуют отчетливые образы трансмигрантов, причем применительно как к самым низкооплачиваемым работникам, так и к представителям высокооплачиваемых групп⁴³. Выполненные в иной логике и на ином материале, такие исследования тем не менее могут быть использованы для тестирования выдвинутой гипотезы.

⁴² См., напр. Siegelbaum and Moch 2014.

⁴³ Шмыт 2013.

Уехать, чтобы остаться

Идея трансмиграции как интерпретационной рамки для анализа миграционного движения между востоком и западом России позволяет, как нам кажется, зафиксировать чрезвычайно значимый момент, который, как правило, упускается из виду и исследователями, и управленцами-практиками. Сложившееся поверх региональных границ социальное поле (те самые сообщества трансмигрантов) выступает важнейшим фактором, задающим миграционную повестку на Дальнем Востоке за счет снижения рисков и издержек миграции. В это поле,

⁴⁴ *Levitt and Glick
Schiller 2004.*

как показывают Пегги Левит и Нина Глик Шиллер, исследовавшие международные практики⁴⁴, могут включаться и не-мигранты — жители региона, не имеющие сформированной и/или артикулированной установки на переезд. Будучи участниками трансроссийского взаимодействия, они обеспечивают реализацию социального капитала, созданного проживанием «поверх границ». Именно они наделяют высоким социальным статусом «уехавших, но остающихся дальневосточниками», транслируют идею «отъезда не на совсем» как альтернативы безвозвратной миграции. Наконец, именно они выступают локальными операторами услуг трансмигрантов для представителей принимающего сообщества, стремящихся проникнуть в неформальное пространство восточных регионов.

⁴⁵ *Castles 2004.*

Не менее важно, что сообщество трансмигрантов-дальневосточников и сформированное ими социальное поле в значительной мере остаются вне властного регулирования. С одной стороны, само сообщество и связанные с ним миграционные и иные практики оказываются вне сферы внимания агентов управления. Вопреки заключениям Стефана Каулса⁴⁵, наличие «региональной диаспоры» (землячеств) никак не влияет на формирование миграционной повестки и политики. Такое положение дел, по-видимому, связано с преобладанием аналитической оптики, в которой появление подобного рода агента просто не предусмотрено. Представление о гомогенности социального и политического пространства страны и ее населения продолжает доминировать в политическом, да и исследовательском дискурсе, исключая возможность признания факта наличия «землячеств».

С другой стороны, ввиду своего легального статуса внутренние трансмигранты выпадают из сферы регулирования миграционных процессов, поскольку формально в них уже/еще не участвуют. С точки зрения управления этими процессами трансмигранты не интересны власти, более того, воздействие властных агентов на их активность оказывается опосредовано обширным комплексом неформальных практик, лежащих в основе их *modus vivendi*. Такие уже и еще не мигранты, между которыми возникают и/или поддерживаются сильные социальные связи, и определяют сохранение и протекание миграции. Но не только. В силу высокого уровня доверия между уже и еще не мигрантами, качественно превосходящего уровень доверия населения к мероприятиям власти и навязываемой ей коммуникации, именно эти связи создают социальный, да и политический каркас страны.

Иными словами, дальневосточная (да во многом и сибирская) миграция на запад парадоксальным образом является одним из механизмов, сшивающих пространство России. Описываемое и оцениваемое почти исключительно в алармистском духе, это миграционное движение формирует меняющееся, но довольно устойчивое сообщество, живущее «поверх границ». Наличие массы уехавших с Дальнего Востока и формально полностью утративших с ним связь трансмигрантов,

казалось бы, подтверждает основанное на статистике представление о пустеющем регионе и миграции как стихийном бедствии. На практике же подобные внутренние трансмигранты соединяют сообщества востока и запада, обеспечивают циркуляцию неотфильтрованной информации о реальной ситуации, статусах, процессах, протекающих в восточной и западной частях страны. Вместе с тем сам факт существования данной модели открывает перед потенциальными мигрантами шанс (реальный или воображаемый), уехав, остаться дальневосточниками.

Библиография

- Бляхер Л.Е. (2004) «Политические мифы Дальнего Востока» // *Полис. Политические исследования*, № 5: 28–39.
- Бляхер Л.Е. (2010) «Государство и несистемные сети „желтороссии“, или Заполнение „пустого пространства“» // *Полития*, № 1 (56): 52–79. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Bliakher-2010-4.pdf (проверено 5.12.2019).
- Бляхер Л.Е. (2014) *Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток*. М.: Европа.
- Бляхер Л.Е. (2017) *Стратегии выживания в условиях кризиса: Предприниматели Дальнего Востока и не только*. М.: Страна ОЗ.
- Бляхер Л.Е. и А.И.Обирин. (2019) «Дальний Восток: инструкция по использованию, или Зачем России Дальний Восток» // *Регионалистика*, т. 6, № 3: 13–30.
- Галичанин Е.Н. (2018) «Закрепление населения на Дальнем Востоке — ключевая задача Национальной программы развития региона» // *Власть и управление на Востоке России*, № 4 (85): 151–156.
- Галлямова Л.И. (2000) *Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX— начале XX в.* Владивосток: Дальнаука.
- Жидкевич Н.Н. (2016) «Социальный портрет современного российского отходника» // *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 19, № 1 (84): 73–89. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2016_1/Zhidkevich_2016_1.pdf (проверено 5.12.2019).
- Журавлев Д.А. (2011) «Демографические и миграционные стратегии современного международного терроризма через призму коммуникации» // Минаев В.В., ред. *Глобальные демографические проблемы современности: Миграции и миграционная политика*. М.: РГГУ: 34–52.
- Заславская Т.И. (1970) *Миграция сельского населения*. М.: Мысль.
- Ишаев В.И., В.В.Ивантер и Д.Б.Кувалин. (2015) *Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: Государственный подход*. М.: Макс Пресс.
- Колесниченко К.Ю. (2016) «Роль военнослужащих в социально-демографических процессах на российском Дальнем Востоке в 30-е — 90-е гг. XX века» // Кузина И.Г., ред. *Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Материалы II Всероссийской*

научно-практической конференции с международным участием. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет: 408—410.

Кордонский С.Г. (2013) «Классификация и ранжирование угроз» // *Отечественные записки*, № 2 (53): 32—44.

Кравчук С.А. и Е.Л.Мотрич. (2008) «Демографический потенциал как фактор социально-экономического развития и пограничной безопасности СССР на Дальнем Востоке в 1950—1970 гг.» // *Проблемы Дальнего Востока*, № 4: 80—89.

Кулинич Н.Г. (2006) «О социальной мобильности дальневосточных городов (1920 — 1930-е гг.)» // *Россия и АТР*, № 4 (54): 24—31. URL: <http://www.riatr.ru/2006/2006-4-WEB/03p24-31.pdf> (проверено 5.12.2019).

Мкртчян Н.В. (2009) «Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее» // *Россия перед лицом демографических вызовов: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации*. М.: ПРООН: 80—96.

Мотрич Е.Л. (2015) «Социальное качество населения Дальнего Востока» // *Власть и управление на Востоке России*, № 1 (70): 11—30.

Нефедова Т.Г., К.В.Аверкиева и А.Г.Махрова, ред. (2016) *Между домом и ... домом: Возвратная пространственная мобильность населения России*. М.: Новый хронограф.

Новиков П.А. (2005) *Гражданская война в Восточной Сибири*. М.: Центрполиграф.

Осипов Ю.Н. (2012) *Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России: 1855—1917 годы*. Владивосток: Изд-во Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Плюснин Ю.М., Я.Д.Заусаева, Н.Н.Жидкевич и А.А.Позаненко. (2013) *Отходники*. М.: Новый хронограф.

Полетаев Д.В., С.В.Дементьева и Т.З.Зурабишвили. (2014) «Потенциал учебной миграции в профессиональные образовательные организации в контексте новой миграционной политики» // *Известия Томского политехнического университета*, № 6: 118—125.

Романова В.В. (2001) *Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений*. Красноярск: Кларетианум.

Рыбаковский Л.Л. (1973) *Региональный анализ миграций*. М.: Статистика.

Саначев И.Д. (1992) «Крестьянское восстание на Амуре — кулацкий мятеж или шаг отчаяния?» // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*, № 3—4: 170—180.

Сивков Ю.В. (2011) «Миграция — ящик Пандоры или благо?» // Минаев В.В., ред. *Глобальные демографические проблемы современности: Миграции и миграционная политика*. М.: РГГУ: 528—529.

Ткачева Г.А. (2013) «Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в 30—40-е гг. XX в.: основные теоретические подходы» // Галлямова Л.И., ред. *Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения)*. Владивосток: Дальнаука: 415—423.

Туровский Р.Ф. (2016) «Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию» // *Полития*, № 1 (80): 162—180. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1\(80\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1(80).pdf) (проверено 5.12.2019).

Флоринская Ю.Ф., Н.В.Мкртчян, Т.М.Малева и М.К.Кириллова. (2014) «Внутренняя миграция и российский рынок труда» // Флоринская Ю.Ф., Н.В.Мкртчян, Т.М.Малева и М.К.Кириллова. *Миграция и рынок труда*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС: 21—56. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/vn7914jn31/direct/141960730> (проверено 5.12.2019).

Черный А.К. (1998) *Остаюсь дальневосточником*. Хабаровск: Этнос-ДВ.

Шмыт З. (2013) «Модерн номадс»: *Антропологические очерки современных бурятских миграций в России*. Иркутск: Оттиск.

Якутович Е.В. (2012) «Демографический кризис как угроза национальной безопасности Российской Федерации на Дальнем Востоке» // *Вестник МГИМО-Университета*, № 5: 260—264. URL: <http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/yakutovich.pdf> (проверено 24.11.2019).

Bliakher L. (2013) «The Regional Barons» // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30—39.

Castles S. (2004) «The Factors that Make and Unmake Migration Policies» // *International Migration Review*, vol. 38, no. 3: 852—884.

Glick Schiller N., L.Basch, and C.Szanton Blanc. (1995) «From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration» // *Anthropological Quarterly*, vol. 68, no. 1: 49—57.

Inghammar A. (2010) «The Employment Contract Revisited. Undocumented Migrant Workers and the Intersection between International Standards, Immigration Policy and Employment Law» // *European Journal of Migration and Law*, vol. 12, no. 2: 193—214.

Levitt P. and N.Glick Schiller. (2004) «Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society» // *International Migration Review*, vol. 38, no. 3: 1002—1039.

Miller D. (2017) «Climate Refugees and the Human Cost of Global Climate Change» // *Environmental Justice*, vol. 10, no. 4: 89—92.

Mole R. (2018) «Sexualities and Queer Migration Research» // *Sexualities*, vol. 21, no. 8: 1268—1270.

Portes A. (1997) «Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities» // *International Migration Review*, vol. 31, no. 4: 799—825.

Siegelbaum L.H. and L.P.Moch. (2014) *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca: Cornell University Press.

L.E.Bliakher, K.V.Grigorichev
INTERNAL MIGRATION
AS A POLITICAL PROBLEM,
OR WHY AND HOW
RESIDENTS OF THE RUSSIAN FAR EAST
MOVE OUT

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Head of the Department of Philosophy and Culture Studies, Pacific State University (Khabarovsk).
 Email: leonid743342@mail.ru.

Konstantin V. Grigorichev — Doctor of Sociology; Vice-Rector for Research and International Affairs at Irkutsk State University. Email: grigoritchev@ya.ru.

Abstract. The article describes and explicates the political meaning of the social practices of trans-territorial communities that consist of former Far Easterners who moved to the European part of the country and residents of the Far East. The authors hypothesize that after migration people from the eastern regions of Russia do not completely break ties with these regions, but live as if they were “above the borders”, maintaining stable social ties with communities both in the regions of origin and in the regions where they migrated. The authors assume that the specificity of the eastern territories of Russia is determined by a combination of large-scale transregional and transnational migrations with intense intra-regional population movement. The permanent nature of migrations makes the territorial community a “flowing” community, for which migrations are a natural form of existence. Since the majority of the region’s population is relatively new settlers (one or two generations), ties to the place of a departure — usually in the western part of the country — are maintained. This creates the conditions for a relatively painless movement (return) in a western direction. The dual identity associated with the “flowing” position, active contacts with the host and home communities, and the use of the resources of both sides make it possible to propose a theory of transmigration as an analytical framework. This theory, traditionally used in the analysis of transnational migration processes, can also be very productive in the study of domestic Russian migration, because it provides the key to understanding the causes and mechanisms of its high intensive “western drift” and opens up opportunities for revealing the specifics of community organization in eastern Russia, as well as the repertoire of practices that determine the current migration (and not only migration) landscape of the country.

Keywords: internal migration, transnationalism, social ties, flowing community, political space, Far East

References

- Bliakher L. (2013) “The Regional Barons” // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30–39.
- Bliakher L.E. (2014) *Iskusstvo neupravljaemoj zhizni: Dal'nij Vostok* [The Art of Uncontrolled Life: The Far East]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Bliakher L.E. (2017) *Strategii vyzhivaniya v uslovijakh krizisa: O dal'nevostochnykh predprinimatel'jakh i ne tol'ko* [Survival Strategies in Crisis Situation: On Far East Entrepreneurs and Not Just on Entrepreneurs]. Moscow: Strana OZ. (In Russ.)
- Blyakher L.Ye. (2004) “Politicheskie mify Dal'nego Vostoka” [Political Myths of the Far East] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 5: 28–39. (In Russ.)
- Blyakher L.Ye. (2010) “Gosugarstvo i nesistemnye seti „zheltorossii“, ili Zapolnenie „pustogo prostranstva“” [State and Nonsystemic Networks of “Yellowrussia”, or Filling in Empty Space] // *Politeia*, no. 1 (56): 52–79. http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Bliakher-2010-4.pdf (accessed on 5.12.2019). (In Russ.)
- Blyakher L.Ye. and A.I.Obirin. (2019) “Dal'nij Vostok: Instruktsija po ispol'zovaniju, ili Zachem Rossii Dal'nij Vostok” [Far East: Instructions for Use, or Why Does Russia Need the Far East] // *Regionalistika* [Regionalistics], vol. 6, no. 3: 13–30. (In Russ.)
- Castles S. (2004) “The Factors That Make and Unmake Migration Policies” // *International Migration Review*, vol. 38, no. 3: 852–884.
- Chernyj A.K. (1998) *Ostajus' dal'nevostochnikom* [I Remain a Far Easterner]. Khabarovsk: Etnos-DV. (In Russ.)
- Florinskaya Yu.F., N.V.Mkrtchan, T.M.Maleeva, and M.K.Kirrilova. (2014) “Vnutrennjaja migratsija i rossijskij rynek truda” [Internal Migration and the Russian Labor Market] // Florinskaya Yu.F., N.V.Mkrtchan, T.M.Maleeva, and M.K.Kirrilova. *Migratsija i rynek truda* [Migration and Labor Market]. Moscow: Izdatel'skij dom “Delo” RANKhiGS: 21–56. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/vn7914jn31/direct/141960730> (accessed on 5.12.2019). (In Russ.)
- Galichanin E.N. (2018) “Zakreplenie naselenija na Dal'nem Vostoke — ključevaja zadacha Natsional'noj programmy razvitija regiona” [Fixing of the Population in the Far East — the Key Task of the National Program of Development of the Region] // *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (85): 151–156. (In Russ.)
- Galliamova L.I. (2000) *Dal'nevostochnye rabochie Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v.* [The Russian Far East Workers in the Latter Half of the 19th and Early 20th Centuries]. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russ.)
- Glick Schiller N., L.Basch, and C.Szanton Blanc. (1995) “From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration” // *Anthropological Quarterly*, vol. 68, no. 1: 49–57.
- Inghammar A. (2010) “The Employment Contract Revisited. Undocumented Migrant Workers and the Intersection between International Standards, Immigration Policy and Employment Law” // *European Journal of Migration and Law*, vol. 12, no. 2: 193–214.

Ishaev V.I., V.V.Ivanter, and D.B.Kuvaldin. (2015) *Ekonomika Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona: Gosudarstvennyj podkhod* [Economy of the Far East and Baikal Region: State Approach]. Moscow: Maks Press. (In Russ.)

Kolesnichenko K.Yu. (2016) "Rol' voennosluzhashchikh v sotsial'no-demograficheskikh protsessakh na rossijskom Dal'nem Vostoke v 30-e — 90-e gg. XX veka" [The Role of Military Personnel in Socio-Demographic Processes in the Russian Far East in 1930—1990s] // Kuzina I.G., ed. *Problemy modelirovaniya sotsial'nykh protsessov: Rossiya i strany ATR. Materialy II Vserossijskoj nauchno-practicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Problems of Modeling Social Processes: Russia and Asia-Pacific Countries. The Proceedings of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participants]. Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet: 408—410. (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2013) "Klassifikatsija i ranzhirovanie ugroz" [Classification and Ranking of Threats] // *Otechestvennye zapiski* [OZ: Journal of Russian Thought], no. 2 (53): 32—44. (In Russ.)

Kravchuk S.A. and E.L.Motrich. (2008) "Demograficheskij potentsial kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i pogranichnoj bezopasnosti SSSR na Dal'nem Vostoke v 1950—1970 gg." [Demographic Potential as a Factor of Social and Economic Development and of Border Security of the USSR in the Far East in 1950—1970s] // *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Far Eastern Affairs], no. 4: 80—89. (In Russ.)

Kulinich N.G. (2006) "O sotsial'noj mobil'nosti dal'nevostochnykh gorodov (1920—1930-e gg.)" [On the Social Mobility of the Russian Far East Cities (1920—1930s)] // *Rossija i ATR* [Russia and the Pacific], no. 4: 24—31. URL: <http://www.riatr.ru/2006/2006-4-WEB/03p24-31.pdf> (accessed on 5.12.2019). (In Russ.)

Levitt P. and N.Glick Schiller. (2004) "Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society" // *International Migration Review*, vol. 38, no. 3: 1002—1039.

Miller D. (2017) "Climate Refugees and the Human Cost of Global Climate Change" // *Environmental Justice*, vol. 10, no. 4: 89—92.

Mkrтчan N.V. (2009) "Vnutrennjaja migratsija: velikoe proshloe i skromnoe budushchee" [Internal Migration: a Great Past and a Humble Future] // *Rossija pered litsom demograficheskikh vysovov: Doklad o razvitii che-lovecheskogo potentsiala v Rossijskoj Federatsii* [Russia in the Face of Demographic Challenges: Report on Human Development in the Russian Federation]. Moscow: PROON: 80—96. (In Russ.)

Mole R. (2018) "Sexualities and Queer Migration Research" // *Sexualities*, vol. 21, no. 8: 1268—1270.

Motrich E.L. (2015) "Sotsial'noe kachestvo naselenija Dal'nego Vostoka" [Social Quality of the Population of the Far East] // *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (70): 11—30. (In Russ.)

Nefedova T.G., K.V.Averkiewa, and A.G.Makhrova, eds. (2016) *Mezhdudomom i ... domom: Vozvratnaja prostranstvennaja mobil'nost' naselenija*

Rossii [Between Home and ... Home: Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Moscow: Novyj khronograf. (In Russ.)

Novikov P.A. (2005) *Grazhdanskaja vojna v Vostochnoj Sibiri* [Civil War in Eastern Siberia]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)

Osipov Y.N. (2012) *Krest'jane-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii: 1855—1917 gody* [Old-Timers of the Russian Peasant Far East: 1855—1917]. Vladivostok: Izd-vo Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. (In Russ.)

Plusnin Yu.M., Ya.D.Zausaeva, N.N.Zhidkevich, and A.A.Pozanenko. (2013) *Otkhodniki* [Domestic Temporary Labor Migrants]. Moscow: Novyj khronograf. (In Russ.)

Poletaev D.V., S.V.Dementieva, and T.Z.Zurabishvili. (2014) “Potentsial uchebnoj migratsii v professional'nye obrazovatel'nye organizatsii v kontekste novej migratsionnoj politiki” [Potential of Educational Migration to Professional Educational Organizations in the Context of the New Migration Policy] // *Izvestija Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], no. 6: 118—125. (In Russ.)

Portes A. (1997) “Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities” // *International Migration Review*, vol. 31, no. 4: 799—825.

Romanova V.V. (2001) *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istorija vzaimootnoshenij* [Power and Jews in the Russian Far East: the History of the Relationship]. Krasnoyarsk: Klaretianum. (In Russ.)

Rybakovskiy L.L. (1973) *Regional'nyj analiz migratsij* [Regional Analysis of Migration]. Moscow: Statistika. (In Russ.)

Sanachev I.D. (1992) “Krest'janskoe vosstanie na Amure — kulatskij mjatezh ili shag otchajaniya?” [The Peasant Uprising on the Amur — Rebellion of the Kulaks or a Desperate Gesture?] // *Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], no. 3—4: 170—180. (In Russ.)

Siegelbaum L.H. and L.P.Moch. (2014) *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca: Cornell University Press.

Sivkov Yu.V. (2011) “Migratsija — Jashchik Pandory ili blago?” [Migration — Pandora's Box or Good?] // Minaev V.V., ed. *Global'nye demograficheskie problemy sovremennosti: Migratsii i migratsionnaja politika* [Global Demographic Problems of Our Time: Migration and Migration Policy]. Moscow: RGGU: 528—529. (In Russ.)

Szmyt Z. (2013) “Modern nomads”: *Antropologicheskie ocherki sovremennykh burjatskikh migratsij v Rossii* [“Modern Nomads”: Anthropological Essays on Buryat Migrations in Contemporary Russia]. Irkutsk: Ottisk. (In Russ.)

Tkacheva G.A. (2013) “Oboronnyj potentsial Dal'nego Vostoka v 30—40-e gg. XX v.: osnovnye teoreticheskie podkhody” [Defense Potential of the Far East of the USSR in 1930—1940s: Main Theoretical Approaches] // Galliamova L.I., ed. *Tikhookeanskaja Rossija v mezhsivlizacionnom i obshcherossijskom prostranstve: proshloe, nastojashchee, budushchee (Sed'mye*

Krushanovskie chtenija) [Pacific Russia in the Intercivilizational and All-Russian Space: Past, Present, Future (Seventh Krushanov Readings)]. Vladivostok: Dal'nauka: 415—423. (In Russ.)

Turovsky R.F. (2016) “Natsionalizatsija i regionalizatsija partijnykh system: podkhody k issledovaniju” [Nationalization and Regionalization of Party Systems: Approaches to Research] // *Politeia*, no. 1 (80): 162—180. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1\(80\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Turovskiy_Politeia-2016-1(80).pdf) (accessed on 5.12.2019). (In Russ.)

Yakutovich E.V. (2012) “Demograficheskij crisis kak ugroza natsional'noj bezopastnosti Rossijskoj Federatsii na Dal'nem Vostoke” [Demographic Crisis as a Threat to the National Security of the Russian Federation] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 5: 260—264. URL: <http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/yakutovich.pdf> (accessed on 24.11.2019). (In Russ.)

Zaslavskaya T.I. (1970) *Migratsija sel'skogo naselenija* [The Migration of the Rural Population]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Zhidkevich N.N. (2016) “Sotsial'nyj portret sovremennogo rossijskogo otkhodnika” [Domestic Temporary Labor Migrants in Russia: A Social Portrait] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 19, no. 1 (84): 73—89. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2016_1/Zhidkevich_2016_1.pdf (accessed on 5.12.2019). (In Russ.)

Zhuravlev D.A. (2011) “Demograficheskie i migratsionnye strategii sovremennogo mezhdunarodnogo terrorizma cherez prizmu kommunikatsii” [Contemporary International Terrorism's Demographic and Migration Strategies through the Prism of Communication] // Minaev V.V., ed. *Global'nye demograficheskie problemy sovremennosti: Migratsii i migratsionnaja politika* [Global Demographic Problems of Our Time: Migration and Migration Policy]. Moscow: RGGU: 34—52. (In Russ.)